

Екатерина
Кульков
Нашла себе
блондина!

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В46

Дизайн — *Екатерина Фerez*

Вильмонт, Екатерина Николаевна.
В46   **Нашла себе блондина! / Екатерина Вильмонт.** — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 272 с. — (Про жизнь и про любовь: Екатерина Вильмонт).

ISBN 978-5-17-093901-5

Еще раз о любви. О том восхитительном, всегда новом, радостном чувстве, которое дарит нам порой судьба, — роман Екатерины Вильмонт. Она — студентка, он — маститый сценарист. Она юна, у нее впереди целая жизнь. А у него — годы за плечами, опостылевшая семья и душевный кризис. Что их связывает? Зачем нужны им такие сложные, запутанные отношения? Только любовь сможет дать ответ, только время все расставит по своим местам...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-093901-5

© Вильмонт Е.Н., наследники, 2008
© ООО «Издательство АСТ», 2025

Часть первая

ЗАМУЖ ХОЧУ!

Глава 1

ТАНЬКА

— Эх, знали бы вы, как я мечтала выйти замуж уже с четырех лет! Спросите, почему? Потому что бабка моя, когда я чего-то хотела, давала мне подзатыльник и ворчала: «Вот замуж выйдешь, тогда и будешь хотеть!» Так что сами понимаете! А когда подросла немного, то мечтала не просто выйти замуж, а непременно за геолога! Уж если не за дядю Яшу, то хоть за какого-нибудь! Потому что если было в жизни что-то хорошее, интересное, это всегда было связано с геологами. Я должна объяснить? Ладно, слушайте!

Я выросла в поселке со странным названием Кусье-Александровский Горнозаводского района Пермской области, на реке Чусовой, на улице Углежжения. Знаете,

что это такое? Там раньше жили углежогИ. Правда, когда я родилась, никаких углежогов уже и в помине не было. Сам поселок стоял на одной стороне реки, а наша улица располагалась на другой. За ней начинался лес, в лесу даже медведи встречались, а уж грибов... Дома на улице Углежжения были деревенские, крепкие, с крытыми дворами, а поленницы складывали за воротами, никто дров не воровал, некому вроде... Да и домов — раз два и обчелся, некоторые и вовсе заколоченные стояли. Детей на улице двое было, я да Женька, на три года меня старше, он со мной водиться не желал, все норовил за речку, к большим ребятам бегать. Теперь-то, кое-что в жизни повидав, понимаю я, что убожество в поселке жуткое было — пятиэтажки сраные, пыллога, не то что на нашей улице, а тогда казалось: за речкой настоящая жизнь. Правда, бабка говорила: за речку пойдешь, я тебе такую трепку задам, до свадьбы не заживет... Рука у бабки тяжелая была, и слово она свое всегда держала.

Вообще, бабка моя суровая была женщина, да и некогда ей было со мной лялькаться, на ней одной какое хозяйство держалось, люди просто диву давались! Две коровы, козы, куры, гуси, овцы, огород и даже пасека небольшая, а еще лошадь по кличке Жиган... И со всем этим бабка управлялась в одиночку. Родители мои на Север подались, за длинным рублем. Я с ранней весны до поздней осени одна гоняла по улице, домой только поесть забегала, а уж материлась, как последний забулдыга. Мне лет пять, наверное, было, когда приехали геологи, они один из двух наших домов, родителей моих, сняли. Вы спросите, мы богатые были? Нет, мы из кулаков... Бабка

моя кулацкая дочка, с Украины они в Пермскую область как раскулаченные попали, а колхозов там, почитай, и не было, кругом одни лагеря... Ну, к тому времени, когда я родилась, лагерей уж поменьше стало, людям некоторое послабление вышло, вот бабка моя и завела хозяйство, душеньку свою кулацкую потешить, как папка мой говаривал.

Умела работать старуха, ничего не скажешь. Я тоже работать умею, только сельское хозяйство не по мне. Я в детстве мечтала геологом стать, да вот жизнь по-другому распорядилась. Так о чем это я? Ах да, о геологах... Приехала к нам в поселок геологическая партия из Москвы. Наверное, к нам и раньше геологи приезжали, только я-то не помню. Было их человек десять, наверное, да, точно, семь мужиков и три женщины. Вот говорят, любви все возрасты покорны. Точно! Уж на что я сопливка была, а сразу влюбилась! В главного ихнего, дядю Яшу... Начальник партии, так он назывался. Он красивый был, или мне казалось? Но таких я раньше никогда не видела. Волосы черные, борода темно-рыжая, а глаза голубые! И разговаривал он негромко так, даже ругался, не повышая голоса, даже матерился. У него это красиво получалось.

Только он на меня внимания не обращал почти, так, иногда, мимоходом, по голове погладит или конфетку сунет, и все. А вот шофера больше всех со мной возились, как сейчас помню, одного Толькой звали, другого Витькой. Хорошие парни были, добрые. Женщины мной куда меньше занимались. Одна, повариха, целый день крутилась, ей некогда было, другая, пожилая, профессорша, все книжки читала, а третья в маршруты

ходила с мужиками. Хотя нет, там еще одна женщина была, ее тоже Таней звали, как меня. Неприятная, злая, все норовила пожаловаться на кого-нибудь дяде Яше. Ее не любили все, помню, я как-то на речке услышала, она одному из шоферов жаловалась на повариху: «Нет, ты подумай, целую кастрюлю макарон собакам скормила! Разве ж это нормально?» А Толька отвечает: «А чего? У нас уж с этих макарон сердце болит, а собакам все одно жрать надо!»

Я забыла, у них еще две собаки было. Одна нормальная, большая, уши торчком, хвост пушистый, а вторая... Я таких тогда ни разу еще не видела: черная, голая, морда узкая, с рыжими подпалинами, хвоста, считай, нету, так, обрубочек. Я этого пса боялась до ужаса, одна женщина на Углежжения все его чертяжкой звала, но он добрый вообще-то оказался. Марсом все его звали, как сейчас помню, а порода называлась «доберман», это я уж потом, когда в городе жила, узнала.

Геологи все на целый день в маршрут уходили, в доме только шофера оставались да повариха, ну и профессорша. Повариха тоже городская была, они с профессоршей целыми часами, бывало, разговаривали — и все о непонятном. А шофера от скуки со мной возились, мыли меня — я чумазая вечно бегала, бабке-то некогда, — причесывали, а Витька мне книжки с картинками показывал, картинки, правда, все какие-то некрасивые. А один раз дядя Яша с Толькой куда-то на газике уехали, два дня их не было, а когда вернулись, дядя Яша мне целый кулек конфет привез и несколько книжек, настоящих, детских, с красивыми картинками,

а Толька — заколочки для волос с божьими коровками... Вот радости было! Тогда я дядю Яшу еще больше любила...

Это какой же год был, наверное, семьдесят третий... Я знаете, как его любила? Я при нем раздетая ходить стеснялась, а вообще по улице в одних трусах гоняла, материться тоже стеснялась, он мне один раз сказал: «Таня, нехорошо, когда девочка так ругается, неприлично это, понимаешь? Ты уже большая, красивая, а рот откроешь, уши заткнуть хочется! Обещай, что больше не будешь». А я и не понимала, что ругаюсь, у нас на Углежжения почти все так говорили, а уж Женька и вовсе. Бабка, правда, когда слышала, подзатыльник давала, но ей же все некогда было, а когда дядя Яша сказал, что нехорошо это, я стала задумываться, не хотелось мне его огорчать... Но ведь еще поди разберись, какое слово ругательное, а какое нет, но мне шофера объяснили. Они, правда, и сами через слово матюгались, но при мне стесняться начали. Одним словом, мы друг на друга положительно влияли, понимаете?

А еще профессорша там любовь с Толькой крутила, хотя, наверное, в матери ему годилась. Он хороший был, красивый, ласковый... Я один раз их вечером в огороде застала, прям между грядками, за этим самым делом. Но я не удивилась, я это сколько раз у скотины видала, но все ж таки профессорша, важная такая, между грядками с шофером... Малая была, а прочухала, что лучше не смотреть, когда люди... И никому про это не сказала. А один раз видала, как повариха с Витькой в лес пошли, и так спешили, так спешили... Я сразу просекла, зачем идут, ясно, не за грибами, корзину не взяли, а одеялко

старенькое прихватили... Вот такие были мои университеты! — засмеялась Таня, красивая, холеная женщина лет тридцати пяти.

Мы познакомились накануне в автобусе, который вез нас из аэропорта в Анталии к отелю. Я приехала в Турцию отдохнуть после очередной книги, она тоже была одна, и мы сразу прониклись друг к другу симпатией, несмотря на большую разницу в возрасте. Я сразу почувствовала, что Тане необходимо кому-то рассказать свою историю, хотя она ничего пока не знала о моей профессии.

Сколько раз я сталкивалась с тем, что женщины, узнав, что я пишу книги, загорались желанием поведать писательнице о своей жизни. «Вот я вам расскажу про себя, целый роман получится!» — говорили они. Но далеко не из всякой, даже насыщенной трагедиями жизни может получиться роман, по крайней мере у меня. И я чувствую это почти сразу. Но тут я мгновенно наострила уши, а уж когда услышала про университеты маленькой Таньки из поселка Кусьё-Александровский, у меня и вовсе дух захватило, особенно учитывая ее внешность успешной бизнес-леди или жены предпринимателя.

Дело в том, что это я была той самой поварихой, что уходила в лес с шофером Витькой, и прекрасно помнила маленькую матерщинницу, но не подозревала о любви этой девчонки к начальнику нашей партии, моему старому другу Яше, который уже много лет живет в Израиле... Чудны дела твои, Господи! Но я не стала ничего говорить, я затаилась в ожидании интересного рассказа, ведь если даже сама история Таньки не разбудит мое профессио-

нальное воображение, то какие-то детали, словечки, ситуации могут сослужить хорошую службу. Иной раз одно слово может оказаться толчком к написанию романа...

Я прекрасно знала всех персонажей и прекрасно помнила улицу Углежжения, крепкий дом Танькиной бабки, саму бабку и ее шанежки с черемухой, и собак, одна из которых была моя, та «нормальная, с ушами торчком». Вторая принадлежала Яше, мы с ним и познакомились на «собачьей почве», выгуливая наших псов на Екатерининском бульваре в центре Москвы, и до сих пор дружим, несмотря на разделяющее нас расстояние...

Но говорить об этом Тане я пока не считала нужным, мне хотелось услышать ее историю, так сказать, в незамутненном виде.

— А что же дальше?

— Дальше? Дальше уехали в конце сентября геологи, стало холодно, скучно, я целыми днями слонялась по улице и все тосковала по дяде Яше. Книжки, которые он подарил, до дыр зачитала, хотя нет, я тогда еще читать не умела... Это на другой год дядя Яша жену свою с сыном в экспедицию взял. Ох, как я расстроилась сначала! А потом ничего, привыкла, и жена дяди Яши, тетя Ира, научила меня читать. Она хорошая была, даже платьев мне из Москвы привезла и потом еще сарафанчик сшила, говорила, что в шесть лет уже нельзя голой бегать.

А в партии у дяди Яши все другие люди были. И повариха, и шофера... Эти почему-то на меня внимания не обращали, целыми днями, помню, в карты резались... А тетя Настя, новая повариха, пожилая женщина, все

норовила меня к чистке грибов приспособить, но куда там, я это ненавидела! Грибов море было, она не справлялась, бабушке даже жаловалась... А я нарочно тогда палец порезала, кровичка хлестала, я редела, все на тетю Настю кричали, разве можно ребенку нож давать... Короче, никто больше меня не заставлял грибы чистить, но я с тех пор поняла — иногда, чтобы поставить на своем, надо и пострадать, и приврать, и притвориться... Ох, да что я вам все про ерунду рассказываю... Хотя, не ерунда это, а первая любовь. Я всегда говорю: моя первая любовь — дядя Яша...

А еще, помню, в дождливые дни, когда геологи в маршруты не ходили, они сидели в горнице за столом и разбирали образцы, камешки какие-то, раковины, а названия у них мудреные, и не выговоришь, а еще красивые слова были: «силур», «девон»! Помню, я спросила у дяди Славы, геолога, что такое «силур», он что-то начал объяснять про третью снизу систему палеозойской эры... А дядя Яша так мягко ему сказал: «Славка, это ж ребенок, мать твою, что ты ей лекцию читаешь? Таня, когда вырастешь, можешь стать геологом, а пока не забивай себе голову всякой чепухой, лучше книжки читай, научишься хорошо читать, сама все узнаешь и про «силур», и про «девон»! Знаете, как на меня подействовало? Я в три дня читать научилась, а раньше отлынивала, тетя Ира уж на меня рукой было махнула, а тут только диву давалась... Я такая, если чего захочу, если засвербит у меня, всего добьюсь, но только надо, чтоб мне интересно стало, понимаете?

— И что ж вы, в три дня читать научились и сразу кинулись узнавать, что такое силур?

— Да нет, я как научилась читать, про все забыла, от детских книжек оторваться не могла, особенно мне «Чук и Гек» нравились, ведь у них папа геолог был. А еще Павлик, сын дяди Яши, со мной арифметикой занимался и говорил, что я способная, все схватываю на лету. Это правда, я тогда все на лету схватывала — и хорошее, и плохое. Помню, Женька однажды меня подбил у тети Насти масла сливочного стырить и сгущенки... У него в лесу шалаш был, вот я туда и принесла и масло, и сгущенку, а Женька две буханки хлеба притаранил. Мы с ним так объелись, что еле до Углежжения доползли, а там уж меня бабка поджидала, да с хворостиной, которой гусей гоняла. Ох, и досталось мне, всю попу отбила, да это бы еще полбеды, хуже, что, отметелив, бабка за ухо отволокла меня к тете Насте и заставила на коленях прощения просить. Если б еще просто так, а то на коленях, этого я уж стерпеть не могла, так выла, так орала, а бабка мне еще всыпала, тетя Настя уж стала сама за меня просить, но бабка моя, кремень-старуха, ни в какую. «Умела воровать, умей и покаяться!» Уж не знаю, сколько б эта экзекуция продолжалась, но на мои вопли дядя Яша пришел и отбил меня у бабки. Сказал:

— Хватит, Авдотья Семеновна, она уже все поняла, а будете ее так лупить, она только озлобится. Таня, скажи, воровать больше не будешь?

— Да что ты, Яков Моисеевич, драть надо так, чтоб на всю жизнь запомнила, чтоб неповадно было на чужое зариться... — возражала бабка, а я уж только тихо всхлипывала и еще больше любила дядю Яшу! Но урок бабкин и вправду запомнила. Много чего я в жизни делала, но

воровать — ни-ни. Хотя иной раз так и подмывало... И знала, никто не хватится, не заметит, а вот не могла, все думала, как дядя Яша на это бы посмотрел... Ой, я, наверное, уж вам до смерти надоела, и что меня на воспоминания потянуло? Вы извините...

— Да нет, Таня, мне правда интересно. Я вот смотрю на вас и думаю, как из той девчонки такая дама получилась?

— Дама? — искренне рассмеялась Таня. — Какая ж я дама? Дамы по-другому живут, очень уж жизнь у меня не дамская — и происхождение, и воспитание.

— А дамы, по-вашему, какими должны быть?

— Фиг их знает, но уж точно не такими, как я. Бабки из бабы даму не делают. Но я плевать на это хотела! А хорошо здесь, правда?

— Очень!

— Вы завтра на море пойдете?

— Обязательно, для того и приехала, я море очень люблю.

— Я тоже. Может, если я вам не надоела, вместе пойдём, а то одной скучно. У меня, правда, книжка с собой есть... Но лучше поговорить с хорошим человеком. А что это вы все меня слушаете, а сами помалкиваете, вам ведь тоже небось есть что рассказать...

Утром я завтракала на свежем воздухе и с наслаждением наблюдала за очаровательной, совершенно белой кошкой, что сама с собой играла на красивой, залитой ласковым октябрьским солнышком полянке возле моего столика.

— С добрым утром! — приветствовала меня Таня, держа в руках тарелку с булочками и чашку кофе. — К вам можно?

— Конечно! — обрадовалась я. Питаться одной было тоскливо.

— Тут такая классная выпечка! А вы, я смотрю, не едите... Фигуру бережете?

— Разве вы не видите, что мне нечего беречь? — засмеялась я. — Просто не люблю.

— Надо же! А я обожаю! Как спалось?

— На удивление хорошо. Открыла окно и балкон и спала без задних ног.

— А я не очень... Что-то меня разбередил наш вчерашний разговор, многое вспомнилось...

— Расскажите?

— А вам и вправду не надоело меня слушать?

— Ни чуточки. Разве есть для женщин что-нибудь интереснее очередной истории Золушки?

— Золушки? — страшно удивилась Таня. — Да разве ж я Золушка? Ничего общего! Золушке все фея обеспечила, а у меня феи не было, я сама себе феей была, а заодно и злой колдуньей, как говорится, то и это в одном флаконе, а поскольку флакон с виду вполне приглядный, то и на отсутствие принцев вроде не жаловалась, хотя какие там принцы, сволота одна... Но все равно, свой принц у меня был... Дядя Яша...

Как интересно, подумала я, неужто у Яшки был-таки роман с этой девушкой, но когда ж он успел? Хотя он многое успевал, мой друг Яша. Это ведь только в мечтах маленькой девочки он был образцом всех доблестей и

добродетелей, а на деле... Нет, человек он золотой, но с вздорным характером и в молодости был жутким бабником, теперь, правда, укатали Сивку крутые горки. Но одно в нем поражало — невероятное обаяние. Ему покорялись практически все женские сердца, независимо от возраста, как говорится, и стар и мал... Но чувства эти были странные, неглубокие, сродни умилению, что ли, а тут такая великая страсть...

— Вы давно его видели? — осторожно спросила я.

— А с тех пор и не видела больше... Но все равно...

— Так это всего лишь детская любовь?

— Да почему детская? Просто любовь!

— Так почему ж вы его не разыскали?

— Я разыскала, только поздно...

— Почему?

— А он уехал в Южную Африку и уж не возвращался. Знаете, как я его искала? Я ведь даже фамилии его не знала... А когда выросла и решила, что теперь можно его найти, землю с небом свела, и нашла, и заявила прямо к нему домой, а там только тетя Ира. Она мне и сказала, что он уехал в Африку, а Павлик в Америку... И сама тетя Ира собиралась квартиру продать и уехать к дяде Яше в Африку. Уж как я тогда расстроилась, а потом опомнилась и сказала себе: Африка тоже на этой земле, припечет — найду и в Африке...

— Не припекло? — улыбнулась я.

— Сколько раз припекало... Но не до того было, а потом я вдруг поняла — ну найду я его на краю света, а он уж старый и видал он меня в гробу в белых тапочках. На фиг я ему сдалась? Он небось и не помнит, что была на

свете такая Танька... И представила я, что он старый, лысый, толстый или седенький, усохший, а я ведь того дядю Яшу любила, с черными волосами и рыжей бородой...

Меня так и подмывало сказать ей, что он не седой и не лысый, разве что немножко располнел да глаза потухли, но не совсем, иногда, ненадолго, они еще загораются прежним хулиганским блеском... Но я промолчала, кто знает, надо ли Тане все это знать? И я решила сперва выслушать ее рассказ, а уж потом...

— Ну вот, слушайте дальше. Уехали геологи, опять зима надвигалась, но теперь у меня были книжки. Я все подряд читала, по всей улице Углежжения ходила и клянчила. В одном доме было целых три книжки — «Капитал», «Василий Теркин» и брошюрка о разведении кроликов, как сейчас помню... Так я все прочитала, хоть и мало что поняла, правда, «Василий Теркин» мне здорово понравился, я его почти наизусть знала... Ну, еще кое-какие книжки нашлись, а потом одна женщина с нашей улицы, медсестра тетя Валя, стала мне книжки в библиотеке брать, все говорила бабке: «Тетя Дуня, надо Таньку учить, вон она еще в школу не ходит, а книжки прямо глотает!» А бабка головой качала и говорила: «Мое дело ее накормить да сберечь, а учить пусть родители учат, малая она еще». А потом вдруг мамка моя приехала, гостинцев привезла, а сама из слез не выхлюпывается — папка от нее сбежал и невесть куда подался... Целыми днями они с бабкой что-то обсуждали, меня вон гнали, чтобы под ногами не путалась, а через неделю мамка мне объявила: уезжаем мы с тобой, Танька, в большой город жить...